

КРОКОДИЛ

№ 24 МОСКВА АВГУСТ
ИЗД. ГАЗ. „ПРАВДА“ 1935

Н А Р А З Н Ы Х Я З Ы К А Х

— Мы требуем от тебя, товарищ директор, содействия стахановскому движению!

— Только не сейчас! У меня на шахте прорыв, и я занят по горло!

Рис. Л. Бродаты

Г Л У П О Е Ж Е Л А Н И Е

(С К А З К А)

Одному забойщику вдруг стало холодно. А звали забойщика Кузьмой. Ему было сорок восемь лет. Он был круглый сирота. Неженатый. Между прочим, ударник.

Смотрит Кузьма: с чего-то ему вдруг стало холодно? А у него на пиджаке оказывается большая дырка. Фу ты, напасть какая! Надо бы починить, да нечем. Известное дело — круглый сирота. Неженатый.

Вот Кузьма отправляется в город. Заходит в одну торговую точку, в другую точку заходит, в третью. То материя не того цвета, то меньше отреза на костюм не продают.

Идет он тогда на толчок и довольно скоро покупает не первой свежести пиджак подходящего цвета, рванный. Думает: пуговицы отпорю, пригодятся в хозяйстве, а пиджачок распороть можно, и будет заплат вдоволь.

И вот он дома распарывает пиджак, и из подкладки вдруг вываливается простенькое такое оловянное колечко. Поднимает Кузьма это колечко с полу, надевает для смеху на свой мозолистый палец и сам себе говорит:

— Фу ты, вот какая находка. Глупая. Лучше бы я хоть целковый нашел.

Только он начал внутренне улыбаться, видит: в комнате дым клубом клубится, из дыма неизвестный человек выходит, вытягивается во фронт и покорно спрашивает:

— Чего, товарищ Кузьма, прикажете?

И тут оказывается, что оловянное колечко на самом деле не простое, а очень волшебное. Его, оказывается, только на палец надеть и повернуть, как сейчас же появляется этот самый дух и выполняет любое пожелание. Причем исполнение самое срочное.

Кузьма, конечно, очень разволновался и говорит:

— Я тебе, дух, приказываю, чтобы у меня был к вечеру новый костюм. Желательно, чтобы тонкошерстный.

И что же? Вечером на торжественном собрании рудоуправление премирует Кузьму как хорошего ударника костюмом из самой тонкой шерсти.

Тут Кузьма видит на практике, что дух не треплется, и снова вертит кольцо. И сейчас же дух перед ним вытягивается во фронт.

— Чего прикажете, товарищ Кузьма? Могу порекомендовать балычок экспортный, хромовые полуботинки, то, се...

— Балычок — балычком, а я тебе, дух, приказываю, чтобы у меня квартира стала лучше.

— Есть, товарищ Кузьма!

Только дух в воздухе растаял, стучится в двери к Кузьме почтальон:

— Примите повестку.

Смотрит Кузьма в повестку и видит: по лотерее ОЗЕТ выпал ему выигрыш: новый дом в 4 комнаты со всеми коммунальными услугами. Спереди дома — веранда и палисадник.

Ладно. Сидит Кузьма в новой квартире, в новом пиджаке, смотрит с веранды на палисадник и скучает:

— Вот я, Кузьма, в подходящий возраст пришел, одет неплохо, квартиру имею довольно подходящую, а скучно. И опять-таки вертит кольцо.

Дух здороваётся и спрашивает:

— Чего вы, товарищ Кузьма, прикажете?

— Жениться хочу.

— Каких больше уважаете: молодых или посурьезней? Блондинку или из чернявых? Из местных?

— Нет уж! По такому случаю хорошо бы на московской, на артистке посветлей, что ли.

Почесал себе дух затылок, помялся малость.

— Ладно уж, можете не сумлеваться.

И действительно. Через два дня приезжает на шахту с выездным спектаклем бригада московского театра, и актриса из бригады как Кузьму со сцены увидела, так и влюбилась.

Конечное дело, поженились.

Сидит Кузьма после работы с женой в новом доме, на палисадник через окошко смотрит, пиджак на нем новый крепко складку держит, и опять ему грустно... Вот жена у него и спрашивает:

— Олег (она его из Кузьмы в Олега переделала, чтобы красивей), чего ты грустишь?

— А мне оттого грустно, что я круглый сирота и что моим бедным престарелым родителям в гробу не видать, какой я хорошей сейчас жизнью живу.

— А ты поверти кольцо.

Повертел Кузьма колечко, дух приказ выслушал, попросил два дня сроку, а на третий день поутру являются его родители с чемоманчиком и стучатся в новый дом. Они, оказывается, в восемнадцатом году не умирали, а около Ташкента, когда за хлебом ездили, застряли, да так и не собрались до сей поры вернуться домой.

Ну, конечно, радости было много: выпили, закусили. Мама около печки возится, пироги печет с грибами, с гусиными потрохами, с яблоками. Красота! Отец у окошка сидит, газеты читает, чай пьет с вишневым вареньем.

Пошла тут у Кузьмы не жизнь, а сплошная масленица. Что ни день, то пироги. Через жену все время бесплатные контрамарки в театры. Радио играет. Персональной машиной Кузьму премировали за отличную работу. Другой бы на его месте, рвач какой-нибудь, все вертел бы да вертел бы кольцо и всякого добра набирал. А молодая жена и престарелые родители ему говорят:

— Нам, Олег, набирать барахла не к чему. Раз ты отличник, тебе заработок хороший идет. Смотришь: рудоуправление премирует, грест. Нечего нам духа беспокоить. Не верти зря кольцо.

Вот как-то Кузьма в забое работает, молоток у него вроде пулемета трещит, уголь весело падает, и его отвозят на гора. А тут сбоку, смотрит, крепильщик скучает. Его Николаем звали — крепильщика.

— Милый Коля, — говорит Кузьма, — чего ты, дорогой, скучаешь?

— Ах, да как же мне не скучать, дорогой Кузьма. Я пятый день председателя шахткома угольщиков никак добиться не могу. День в шахте провозишься, как подынешься на гора, пока в бане помоешься, подзакусишь, то, се. а председателя уже и нет. И секретаря не видно.

А Кузьма смеется:

— Это мне, — говорит, — плевое дело. Хочешь, я тебе его сейчас сюда прямо в забой доставлю?

Конечно, крепильщик Николай со всей душой согласился. Сказано — сделано. Кузьма кольцо повернул на пальце и видит: из штрека проползает в забой дух.

— Здравствуйте, дорогой товарищ Кузьма. Я по вас прямо соскучился. Чего приказать изволите?

— Я тебе, дух, приказываю, чтобы сей секунд ко мне сюда, в забой, явился председатель шахткома моего профсоюза. Или секретарь. Или инструктор какой. Дело есть.

Дух прямо побелел. Задрожал. Упал в ноги Кузьме. Плачет.

— Дорогой товарищ Кузьма, проси, чего хочешь. Прикажи — индийских слонов на откатку поставлю. Хочешь — отбойный молоток подарю чистого золота с бриллиантами? Хочешь — я тебе прямо в забое шашлычную устрою с кавказским ансамблем? Только одного не проси: не могу я твоей просьбы выполнить. Не под силу мне задание даешь. Раз он угольный профсоюзник — его в забой не то что я, сам дьявол никак загнать не может. Не губи меня, Кузьма, не подрывай моего авторитета.

А Кузьма упирается. Нет да нет, подавай ему сюда в забой председателя шахткома да и только.

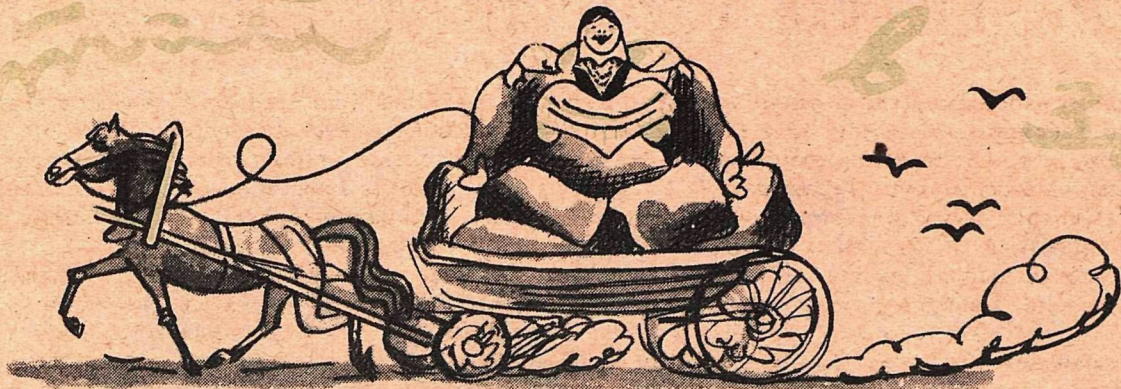
Пошел тут по забою ужасный дым, треск нестерпимый, грохот. Свистнул дух по-змеиному, заревел по-звериному, залаял по-собачьи, захрюкал по-свиньячи, захрипел как радио и сказал:

— Ну, прощай, дорогой товарищ Кузьма. Не хотел ты со мной в дружбе жить, не хотел задание под силу давать, — будь здоров, не поминай лихом. Больше не увидимся.

И пропал.

Бросился было Кузьма колечко вертеть, смотрит, а колечка-то и нет. Засыпало его, наверное, породой.

Л. ЛАГИН

(ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ „БОГАТАЯ НЕВЕСТА“)

(В очереди к загсу бушует Гусаков.)

Гусаков. Безобразия! Только отнимают время у занятого человека. Невозможно культурно жениться! У меня торговля стоит. Я из-за вас план не выполняю. Как деятель низовой точки потребкооперации я имею право жениться без очереди. Может, у меня орден есть, только я его дома забыл!

(Врывается Суслик.)

Суслик. Уже расписались?

Гусаков. Нет еще.

Суслик. Слава богу!

Гусаков. Что?

Суслик. У Галя больше.

Гусаков. Чего?

Суслик. Трудодней.

Гусаков. Сколько?

Суслик. Пятьсот двадцать шесть.

Гусаков. Что ж делать?

Суслик. Хватайте.

Гусаков. Кого?

Суслик. Галя.

Гусаков. А Поля?

Суслик. Не сдохнет.

Гусаков. Где Галя?

Суслик. Там.

Гусаков. Сейчас.

(На возу, нагруженном мешками с зерном, едет богато разодетая Галя. Она сидит на мешках как богиня плодородия. Лошадь ведет под уздцы Устя. Навстречу им идет Тарас Фесенко.)

Фесенко. Ну, Галечка, пошутила — и будет. Теперь уже свободно можно идти до хаты.

Галя. Поворачивай откуда пришел. Скатертью дорожка. Нам таких не надо, которые букеты нюхают.

Устя. Не треба, не треба.

Фесенко. Да что ты, Галечка!

Галя. Была Галечка, да вся вышла.

Устя. Вышла. Вся чисто вышла.

Фесенко. Что вы, мама, гороху наелись.

Устя (куриным голосом). Была мама, да вся вышла.

Фесенко. Да ну вас к бисовому батьке! От людей совестно. Скандал тут подымаете на всю артель. Что я вам — маленький? Бавка, циц! Жинка, поворачивай до хаты!

Галя. Ты что, опять старый режим разводишь? Какая я тебе жинка?

Устя. Какая она тебе жинка?

Фесенко. Расписывались.

Галя. Расписывались? Вот тебе рас-

писывались! (Вынимает брачное свидетельство.) Брачное свидетельство! Больше я тебе не жена! (Разрывает свидетельство.) И можете себе отправляться нюхать цветочки. Вот возьму и выйду замуж.

Фесенко. За кого?

Галя. Найдется. А до меня прошу больше не касаться.

Фесенко (поднимает с земли разорванное свидетельство). Разорвала мое сердце Галина. (Уходит.)

Галя. Везите меня, мама, в загс — разводиться. (Телега трогает.)

(Вбегают Гусаков.)

Гусаков. Тьфу! Стой! (Подает Гале букет.) Нюхайте. Что вы такая грустная?

Галя. Все у меня теперь есть, товарищ Гусаков. И жито есть, и пшеница, и сало, и кавуны, и гроши есть, только счастья нету. Все едут записываться, одна я еду расписываться.

Гусаков. И очень хорошо. Разведетесь, а потом опять заведетесь.

Устя. И хай ему чорт, этому Тарасу.

Гусаков. Вы совершенно правы, мама, хай ему чорт.

Устя. Другого найдем.

Гусаков. Найдем. Факт.

Галя. Где же мы другого найдем, когда все хлопцы уже заняты?

Гусаков. Ничего, ничего. Найдем. (Деловито лезет на воз и усаживается рядом с Галей.) Вы помните, Галечка, тот чудный день, когда вы у меня в первый раз пожупали спички?

Галя. А я у вас никогда не покупала спичек.

Гусаков. Это неважно. В тот чудный день, когда вы у меня в первый раз не покупали спичек, я не спал всю ночь.

Галя. И, наверное, спали.

Гусаков. Это неважно. Ну, спал. Так когда я спал, вы мне снились всю ночь. Позвольте ручку. (Целует.) Святые мозоли! Я вас буду носить на руках. Мы будем вместе молотить. Ездить на базар продавать продукты. (Хлопает по мешкам.) Это все ваше?

Устя. Наше.

Гусаков. Ну, чудно. Наше так наше. А лошадка?

Галя. Колхозная.

Гусаков. Жаль.

Устя (Гале). Какого жениха бог послал.

Гусаков. А вы что думаете, станет вам бог посылать кого-нибудь с улицы! Бог не пошлет чорт знает кого. Бог знает, что он делает. Ну так как же, мамаша? По рукам?

Галя (хохочет). Какой вы быстрый!

Гусаков. Вот, представьте себе, я такой. Быстрый. У меня — раз, два — и готово! Согласны? (Галя смеется.) По глазам вижу, что согласны. Такой человек, как я, на земле не валяется. Давай вожжи. Вертай в загс! Но-о-о, соколки, залетные!.. (Обнимает Галя.)

(Вбегают Суслик.)

Суслик. Стой!

Гусаков. Что?

Суслик. Куда?

Гусаков. В загс.

Суслик. На минуточку.

Гусаков. Пардон. (Слезает с воза и бежит к Суслику.) Ну?

Суслик (шопотом). Понимаете, там начали об'являть премии, и Поле, кроме всего, дают патефон и громадную дойную корову.

Гусаков. Действительно, большая?

Суслик. Колоссальная! Только что сам доил. Четыре ведра в день.

Гусаков. Так что же делать?

Суслик. Хватайте Полю.

Гусаков. А Галя?

Суслик. Не сдохнет.

Гусаков (Гале). Одну минуточку. Сейчас. (Убегают.)

(Устя и Галя.)

Суслик (подходит к возу). Пятьсот двадцать шесть?

Галя. Эге.

Суслик. Не густо. Бывает и больше.

Устя. Да еще моих двести восемнадцать.

Суслик. Сколько?

Устя. Двести восемнадцать.

Суслик. Виноват. Значит, всего — семьсот сорок четыре?

Устя. Эге.

Суслик. Семьсот сорок четыре! Позвольте. Но коровы-то нет?

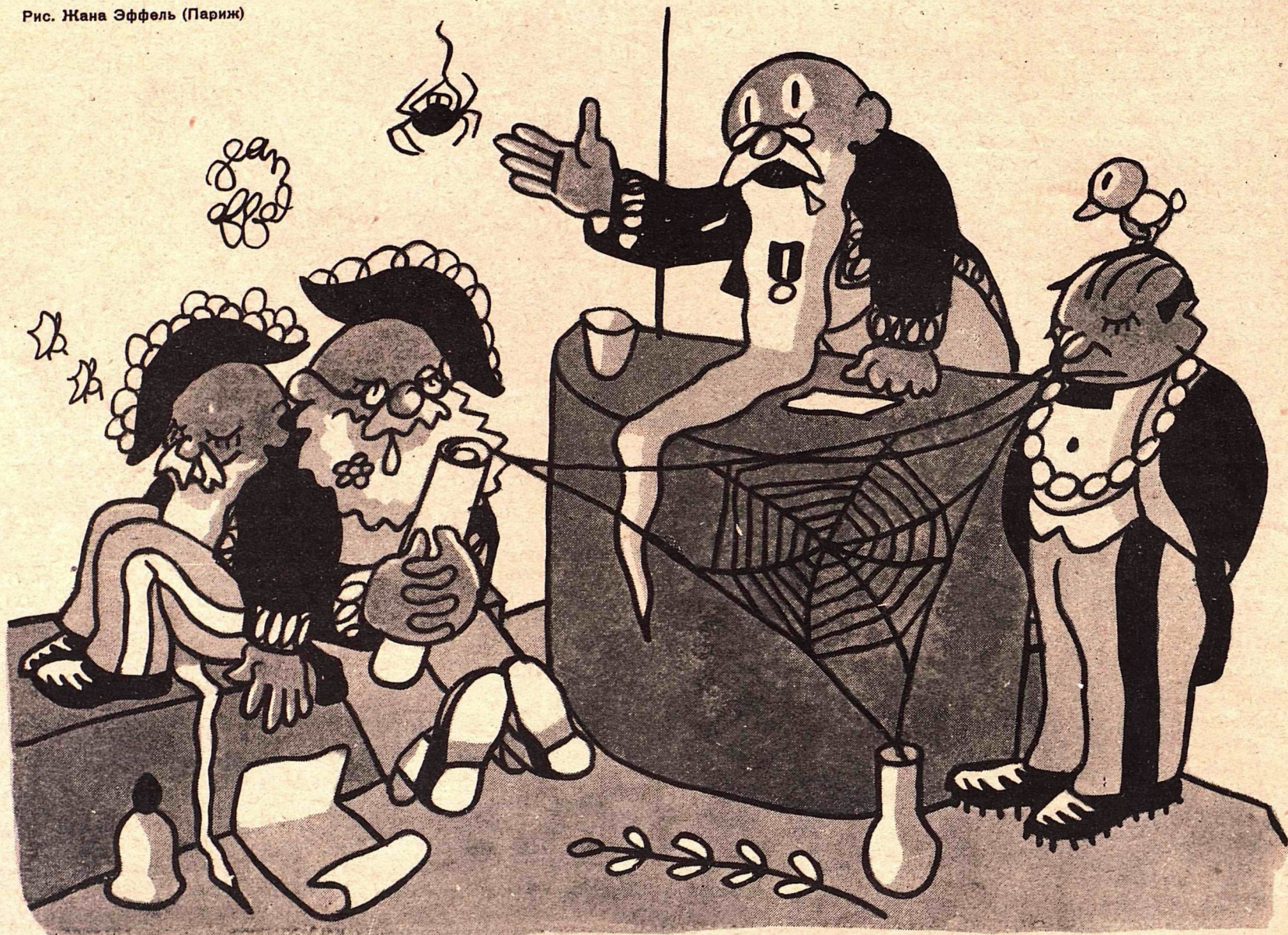
Устя. Корова у нас еще с прошлого года стоит.

Галя. И патефон с пластинками.

Суслик. Виноват. Стой. Позвольте. Дойный патефон! Корова с пластинками! Я сойду с ума! Гусаков! Назад! (Убегают.)

И. ИЛЬФ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Рис. Жана Эффель (Париж)

— Скажите, а что такое агрессор?

— А это всякий, кто не соглашается на мои требования.

ЧЕЛОВЕК И ВЕЩИ

Это был ничем не прикрытый запах собственности. Резко пахло красками, клеем и мокрой бумагой. Но Милобоев умиленно осматривал свою новую квартиру, и ему казалось, что от нее веет тем сладким и волнующим запахом, как от шубки любимой женщины, тайком прибежавшей на свиданье.

— Это будет мой кабинет, — победно сказал он члену правления. — Сколько метров! Смотрите, как здесь можно шагать!

— Получите ваши метры и шагайте по ним на здоровье, — безучастно подтвердил член правления. — Одиннадцатого распределять будем. В семь, без опоздания.

До одиннадцатого Милобоев с иронической жалостью ежеминутно оглядывал свою прежнюю комнату.

— Ты подумай, — заволнованно говорил он жене, — Ершакову мешают эпоха. Лузгину — дети. Васе — пессимизм. А кто мне мешал жить? Мне мешал жить вот этот шкаф, о который я ударился боком. Вот эта вешалка, о которую я тыкался мордой. Я должен был ходить боком мимо этого дивана. Почему человек, который верит в будущее, должен ходить боком? А там, в новой квартире, у меня будет большой, просторный кабинет, два больших окна, два широких подоконника. А какие стены! Ты понимаешь, что такое стены?

— Нет, красавец, — сурово остановила его жена, — не по-

нимаю. Дай энциклопедию, посмотрю. Не мешай спать.

Четырнадцатого переехали. В кабинете у Милобоева поставили письменный стол, этажерку и два стула. Комната выглядела такой большой, как будто из нее только что выехали ясли.

— Пространство! — восхищенно вскрикивал Милобоев. — Метраж! Кубатура! Какая ширь!.. Только я и воздух!

— Если ты будешь носиться как бешеный по комнате, — с нескрываемым неодобрением заметила жена, — пусть лучше останется один воздух. Помоги хоть перенести горшки с цветами! Кстати, синий ковер ты повесишь у себя.

— Ковер это еще можно, — без большой охоты согласился Милобоев, — ковер не так мощно убивает пространство. Давай ковер.

Через два дня Милобоев на неделю уехал в Киев. Когда он вернулся, всю дорогу мечтая о своем новом кабинете, жена встретила его теплой улыбкой.

— А кто моему песику приготовил сюрприз? — таинственно спросила она, подставляя щеку, пахнущую зубной пастой.

— Его маленький кролик, — умиленно ответил Милобоев, ткнув щеку губами. Сюрприз оказался действительно неожиданным. Маленький кролик успел купить в рассрочку бурый диван, сразу и охотно занявший полкабинета, шкаф для костюмов, вытеснивший пустоту второй половины, и

гипсовую фигуру, изображавшую римского воина, сущившего портянки.

— Александровской эпохи, — горделиво указал пальцем маленький кролик на диван, — по случаю. Тебе, может быть, не нравится?

— Нет. Ничего. Оригинальная эпоха, — грустно вздохнул Милобоев, — тогда, наверное, в манежах жили. Для нормальной комнаты такой диван немножко великоват.

— А какой воин! Ты посмотри на эти линии!

— Линии что надо, — еще раз вздохнул Милобоев и с тихой ненавистью посмотрел на гипсовую портянку, загораживающую свободный проход к столу, — Его нельзя в уборную поставить?

— Ставь, — сразу обиделся маленький кролик. — Если ты желаешь жить в пустом сарае, — мне все равно. Твой дядя тоже дикарем был, хотя и инженер.

— Хорошо, — грустно сказал Милобоев, — мне все нравится. И шкаф нравится. И то, что он большой, — хорошо. Я буду в нем проводить выходные дни.

После этого маленький кролик проплакал от девяти до одиннадцати. Надо было мириться, и Милобоев произнес с бледной улыбкой:

— Может, второй ковер повесим у меня?

— Да, — сквозь бывшие слезы уронил кролик, — слева. А около окон тумбочки. Березового оттенка. Я уже купила.

Милобоев посмотрел на кроликову ногу в сером чулке и согласился на тумбочки.

За тумбочками в комнату в'ехало трюмо. Оно было тоже какой-то эпохи, потому что закрыло вентилятор и половину окна.

— На, получай, неблагодарный, — через несколько дней трогательно прошепелявил кролик, пыхтя с чем-то плоским, завернутым в газету, — все только для тебя и для тебя.

Это была картина в золотой раме. В лесу стоит олень и близоруко смотрит на корягу. Милобоеву сразу захотелось надеть оленю пенсне и выгнать его из комнаты вместе с рамой, но пришлось повесить на стену. Через полмесяца к оленю прибавился визави — серый голландец, ковырявший в дупле глиняной трубкой. От голландца было скучно, как от иодоформа в больнице, но повесили и его. Вслед за голландцем в комнату мелким победителем в'ехала люстра с дикарскими висюльками, два затоптанных кресла, опрокидывавшие человека на спинку, а на стене угнездились восемь увесистых тарелок, на каких пригородные купцы в свое время ели пироги с изюмом.

— Тоже из эпохи? — спросил Милобоев.

— Александр Труа, — упоенно ответил кролик.

— Валяй, мне теперь все равно, — безнадежно согласился Милобоев, — может, еще фисгармонию финикийской эпохи подкупить, — пожалуйста. Я могу жить и под столом. Там только две корзины для бумаги: кустарная и стиля рококо. Мне места хватит.

Он сидел окруженный вещами. Шагать уже было негде. Вещи с'ели метры. Кубатуру. Пространство. Воздух. Вещи доедали человека. Наконец, они добрались и до его любви.

Однажды в ненастный осенний вечер маленький кролик, захлебываясь, рассказывал соседке о том, какой она сюрприз готовит мужу: синие гардины на окна и чучело медведя на пол.

— Любимому человеку надо создать уют. Быт. Вещь привязывает мужчину к семье. Вещь неотделима от семьи, уверяю вас...

А в это время любимый человек сидел у своей бывшей стенографистки и настоятельно пожимал ей ногу в рыжем чулке.

— Славно живете, Сонечка, — проникновенно шептал он.

— Где там, — морщила Сонечка курносое личико, — разве это жизнь? Даже обстановки нет. Один диван да этажерка...

— Прекрасно, Сонечка, — шептал Милобоев, — простор, воздух... Так бы и остался у вас.

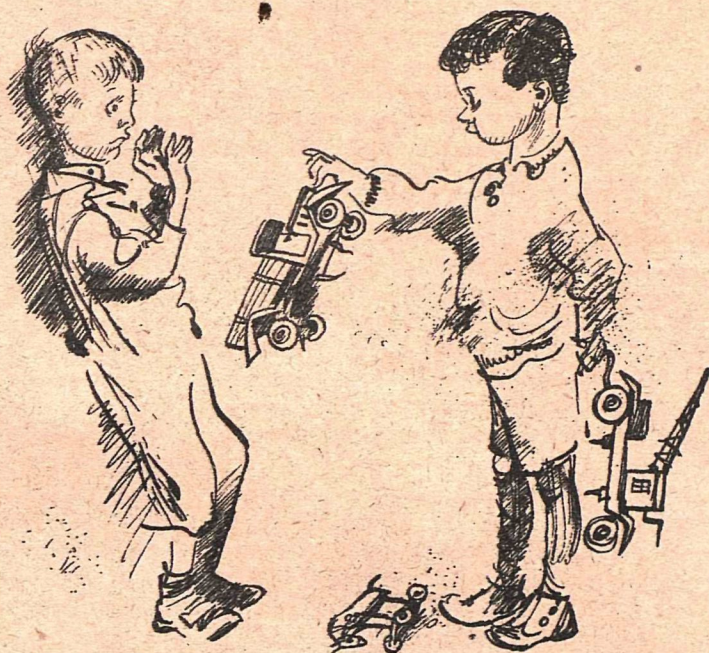
— А вы останьтесь, — конфузливо предложила Сонечка.

— Не надолго можно, — быстро согласился Милобоев, — надо только позвонить моей нуде, что за город уехал.

Арк. БУХОВ

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ШЕДРОСТЬ

Рис. Н. Ротова

— Какой ты злой, Петька: все свои игрушки мне подарил!

„ИНОСТРАНЦЫ“

У витрины универмага остановилось двое: кудрявый малый со значком ГТО и хилый блондин, такой белый, что лицом своим напоминал недопеченную французскую булку. Он то и дело одергивал широкоплечий лиловый пиджак, далеко отставляя ногу, любуясь розоватой кожей туфли, и говорил разочарованно и немного в нос:

— Что там ни толкуй, а иностранца от нашего сразу отличить можно. Я не говорю уж, по разговору или по костюму там. Обращение совсем другое, походка... голос... Самостоятельность какая-то во всем...

— Ну, это вы зря, — сказал кудрявый, — самостоятельности, теперь и у наших много. Да и обращение...

В это время к магазину подкатил черный автомобиль. Из него вышел высокий мужчина в мягком синем пальто, а за ним показалась светловолосая стройная женщина. Мужчина подал ей руку, и оба они, смеясь и перекидываясь быстрыми фразами на каком-то звонком языке, пошли в магазин.

— Вот, — сказал блондин. — Уж не ошибетесь. Иностранцы чистейшей воды. Видали, как он ее под ручку? Не то, что у нас: вылазь, мол, Кланы-Маня. И непосредственность какая! Смеются... разговаривают...

— У нас тоже смеются, — сказал кудрявый. — А вы бы подошли да спросили что-нибудь по-ихнему.

— Ну, что ж! Я умею, — сказал блондин. — Меня в детстве гувернантка воспитывала. Подойду и спрошу. И ничего тут неловкого нет. Это у нас всего стесняются: и шаг шагнуть и слово сказать. А как американцы? Куда ни при-

шел, сейчас ноги на стол, сигару в зубы...

— Наверно на них больше, по моему, — сказал кудрявый.

В дверях магазина показалась светловолосая женщина. За ней шел мужчина, неся покупки.

Блондин покраснел, нерешительно шагнул к женщине, обдергивая пиджак, произнес:

— Эксклюзив же у при. Команса ва?

Женщина взглянула на блондина, потом на своего спутника, виновато улыбнулась и пожалала плечами.

Блондин вспомнил, что он и по-английски может:

— Хау дуй ду, инглишмен.

Женщина засмеялась и снова пожалала плечами.

Тогда подошел кудрявый:

— Ну-ка я по-немецки. Может, немцы они?

Женщина живо обернулась:

— Мы немцы? Нет! Мы делегаты из Мордовской области. А вот с этим гражданином никак не сталкиваемся. Какой он национальности, не знаете?

Кудрявый несколько растерялся:

— Он... м-м-м... он, знаете ли... малаец.

— Малаец? — удивленно прищурилась женщина. — Подумайте, а такой белый!

Она обернулась к блондину, но тот, низко нагнув кепку, ссутулясь, быстро шагнул через улицу.

— И неловкий, стеснительный какой-то, — добавила женщина.

Мужчина открыл дверь автомобиля.

— Еще бы, — сказал он, — в чужой стране да без языка! Застесняешься!

В. КАРБОВСКАЯ

СКАЗКА О ПРИНЦЕ В ЗОЛОТЫХ ШТАНАХ

Одному молодому принцу сильно понадобились деньги.

Денег у него, вообще говоря, было много — куры не клевали. Но тут ему понадобилась громадная сумма. Он хотел себе приобрести золотые штаны.

Серебряные штаны у него уже были, и он в них пользовался большим и заслуженным успехом у женщин, но он мечтал во что бы то ни стало приобрести себе еще золотые брюки.

Ну, конечно, пошел он к своим родственникам, чтоб попросить нужную сумму. Но злодеи родственники ему в этом отказали. А один из родственников, известный принц-регент, обещал даже ему набить личность, если он еще раз обратится к нему с подобной глупостью.

Вот, конечно, идет обратно наш принц в полном расстройстве чувств и вдруг встречает одну колдунью. Та говорит:

— Об чем, царевич, убиваетесь?

Вот тот, значит, и пожаловался на то, что с ним. Колдунья говорит:

— Да уж, конечно, деньги достать не

так легко. Но из легких способов есть у меня одно домашнее средство.

Принц говорит:

— Ах, мамаша, осчастливьте! Ответьте же ради бога, какое же это средство? Я, — говорит, — теряюсь в догадках.

Колдунья говорит:

— Вот чего, молодой человек! Войди ты в любое большое учреждение, где 4 этажа и лифты взад и вперед ходят. И где разные начальники в кабинетах сидят. И где курьеры чай разносят. И войди ты в такое учреждение. И там сразу увидишь, как и чего тебе делать. И там тебе непременно деньги дадут. И ты на них купи себе золотые штаны. Только, умоляю, не входи в маленькое учреждение. В маленьком ты можешь засыпаться. А входи в большие.

Вот принц так и сделал. Пришел он в одно учреждение, взял клочок бумажки и написал на нем несколько слов: дескать, такой-то принц командируется за покупкой золотых штанов.

И с этой черновой бумажкой вошел

принц в машинное отделение, где происходят стук и треск и где сидят семь заколдованных красавиц, превращенных в обыкновенных мешанок.

И вот принц подает одной такой заколдованной красавице свой листик и говорит суровым тоном:

— Эй ты, Фекла, срочно перестукай в трех экземплярах.

Та ничего на это не сказала, вскинула на принца свои буркулы и говорит:

— Слушаю и повинуюсь.

И схватив эту бумажку, срочно ее в две секунды переписывает.

И с переписанной бумажкой идет, конечно, принц к директору в третий этаж. И хочет к нему в кабинет войти.

Но ему дверь заслоняет своим корпусом одна молодая фея неслыханной красоты. Она говорит:

— Туда нельзя. Там сидит заколдованный Иван Максимович. И у него все время заседание идет. Это его так чересчур ужасно заколдовали. Но если у вас до него дело, то скажите мне.

Принц говорит:

— Так что надо эту бумажечку подписать.

Фея говорит:

— Слушаю и повинуюсь.

И с этими словами она изящно входит в кабинет и через пару секунд возвращается с подписанной бумажкой.

Принц, удивившись, говорит:

— Вот мерси-спасибо. До свиданья.

И тотчас он идет в бухгалтерию. И видит там ужасные сценки страшного колдовства. Один стол стоит на другом. А другой — на третьем. И за каждым столом сидит по шесть заколдованных фигур. И все они исполняют руками бесконечное задание. Принц говорит:

— Куда мне тут с подписанной бумажкой идти?

Один заколдованный гном с большой бородой говорит:

— Вот примите ордер и ступайте в кассу и свободно берите оттуда золота и драгоценных камней.

Вот принц так и сделал. Взял из кассы 800 рублей и вышел из учреждения.

А после видит: это ему мало для покупки золотых штанов. И тогда он заскочил еще в Наркомзем и в Главзолото. И, согласно описанию газет, произвел там точно такие же операции.

И на эти деньги он купил себе золотые штаны. И вскоре в них женился.

И на свадьбу пригласил заколдованных начальников всего государства.

И все эти добродушные и доверчивые лица там были. И держали речи. И доупаду смеялись, когда им принц рассказывал, как он их одурачил.

И они попросили принца, чтоб он их расколдовал, но принц сказал:

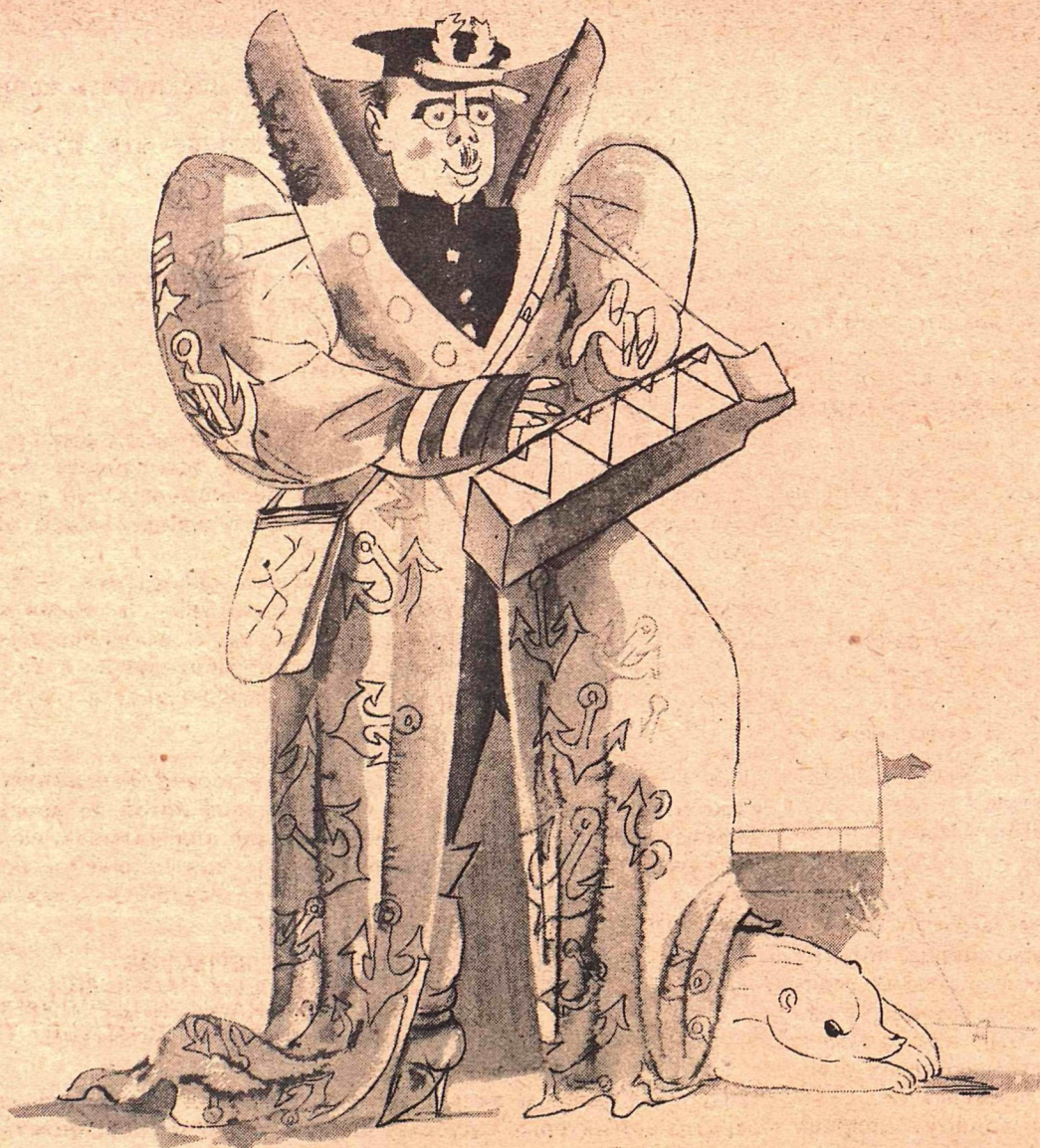
— Э-э, нет, господа, вы мне еще пригодитесь!

И все снова доупаду смеялись.

БРАТЯ А. И Н. СОКИНЫ, Л. ДЕРГАЧЕВ И ЗАСЛ. ДЕЯТ. М. М. КОНОПЛЯНИКОВ-ЗУЕВ.

Г. А. УШАКОВ

Дружеский шарж Л. Сойфертиса

—САДКО—ПОЛЯРНЫЙ ГОСТЬ

ГОЛУБЫЕ ГОЛУБИ

В ПОРЯДКЕ ЭКСПОРТА

Рис. Жан Эффель (Париж)

...В Англии телеграммы, не содержащие печальных вестей, разносятся в золотообрезанных конвертах с изображением голубков, чтобы не пугать напрасно адресата

Прочтя сообщение, восхищенный Семенчук взялся было за ножницы, чтобы вырезать из газеты эту заметку, но тут же отложил их. Вызывала соседняя станция. Натренированное ухо молниеносно ловило, натренированный мозг молниеносно переводил с алгербы кода на арифметику слова, натренированные руки молниеносно фиксировали счастливо взволнованный текст телеграмм.

1. КЛИН СОВЕТСКАЯ 8 ПЕТРОВУ ПОЗДРАВЬТЕ РОЖДЕНИЕМ СЫНА ИДЕАЛЬНО БЛАГОПОЛУЧНО ВОСЕМЬ ФУНТОВ СЕРГЕЙ ИВИН
2. КЛИН ПРИРЕЧЕНСКОЕ П/О КОЛХОЗУ „ЗАРЯ“ ВАША КАВЫЧКИ РОЗА КАВЫЧКИ ВЗЯЛА ПРИЗ ДЕРБИ ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ СТРУКОВ
3. КЛИН ПЕРВАЯ ГОРОДСКАЯ БОЛЬНИЦА ГЛАВВРАЧУ ТЕРЕНТЬЕВУ БОЛЬНОЙ ПОПРАВЛЯЕТСЯ ТЕМПЕРАТУРА НОРМАЛЬНАЯ АППЕТИТ ПРЕКРАСНЫЙ ПРИВЕТ КОШКИН

Аппарат замолк. Семенчук любовно заполнил бланки и... тяжело вздохнул.

«...Не хватает у нас культуры,— подумал он.— Ведь вот акула империализма, а такое придумали, что и нам воспринять не мешает, критически, конечно. Не голубки, само собой, а, скажем, голубой бланк с золотым гербом. Ладно!»

И решительно взявшись за рычажок, отстучал:

МОСКВА НАРКОМСВЯЗЬ НАРКОМУ ПОРЯДКЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАБОТЫ ЧЕЛОВЕКЕ ПРЕДЛАГАЮ АНГЛИЙСКИЙ МЕТОД ДОСТАВКИ СЧАСТЛИВЫХ ТЕЛЕГРАММ СЕМЕНЧУК

и крикнул сидевшей у наружного окошечка сотруднице:

— Анна Ивановна, получите с меня 3 рубля 40 копеек за личную телеграмму.

— Не замените ли вы меня на четверть часа у окошечка?— спросила мисс Энни телеграфиста Саймона Чока.— Мне нужно напротив, в аптеку, а у вас как будто затишье.

— Охотно, мисс Энни. Час назад принял три «счастливых» и с тех пор аппарат онемел. Я справлюсь.

И он занял место у окошечка и углубился в газету.

От чтения его отвлекла нервно постукивающая по наружному лотку рука.

— Примите — и быстро!

Саймон Чок, не глядя на клиента, принял телеграмму, но текст заставил его взглянуть в подателя.

НИЦЦА КОНТИНЕНТАЛЬ МИСС ПИТЕРС
ПРОКЛЯТИЕ ВСЕ ПОГИБЛО ПИТЕРС

— Проклятия не передаем, сэр,— сказал телеграфист.— И потом, простите за нескромность, но не вам ли я час назад направил «счастливую» о...

— Мне,— злобно прошипел джентльмен за окошечком.— Вот эта гадость!— И он швырнул на стол телеграмму.

БЭРМИНГЕМ КОРОЛЕВСКАЯ 8 ПИТЕРСУ
ПОЗДРАВЬТЕ РОЖДЕНИЕМ СЫНА ИДЕАЛЬНО БЛАГОПОЛУЧНО
ВОСЕМЬ ФУНТОВ СЭР ГЭЙ ИВИНГ

— Восемь фунтов,— продолжал джентльмен.— Восемь фунтов! Восемьдесят тысяч фунтов годового дохода, вот что я теряю на этих восьми фунтах. Еще вчера — я единственный наследник всего состояния сэра Гея, и сегодня — нищий благодаря этому милому бэби. И это он называет «идеально благополучно!» И это вы кладете в конверт с голубками! Можете вычеркнуть проклятие и оставить его себе.

И швырнув два шиллинга, джентльмен хлопнул дверью. Саймон не успел задуматься над тщетой человеческих надежд. Дверь снова хлопнула, и к окошечку, пыхтя и отдуваясь, шариком подкатился красный как роза джентльмен.

— Неужели итальянцы заставят нас надеть черные рубашки?

— Вполне возможно. У них в стране эти рубашки уже достаточно надоели.

Он с такой силой ткнул в Саймона телеграммой, как будто пронзил кого-то невидимой рапирой.

ЛОНДОН САВОЙ СТРУКУ
ИДИОТ ВСЕ ПОГИБЛО ТРАЙТ,—

прочел Саймон.

— Ругательств не передаем, сэр,— сказал он сдержанно.— Вы слишком возбуждены, сэр. Подумав, вы найдете более мягкие выражения. И, простите за нескромность, но ведь я час назад направил вам «счастливую» о победе вашей «Розы» на дерби... И ваше волнение...

— Моя «Роза»? — зарычал красный джентльмен.— Я не такой болван, чтобы ставить на эту дохлятину. Я ставил все, что мог и имел, на лошадь конкурента, и если моя кляча пришла фуксом... Кстати, это вы «позаботились» о голубках? Можете вычеркнуть идиота и присвоить его себе.— Дверь снова хлопнула.

А в то время как третий адресат — доктор Теренциус, — сидя за массивным бюро и наступив левой ногой на яростно скомканный конверт с голубками, мрачно подсчитывал, сколько убытку принесло ему окончательное выздоровление богачего и больного, — Саймона Чок — телеграфист — строчил телеграмму:

ЛОНДОН МИНИСТРУ ПОЧТ И ТЕЛЕГРАФОВ
ОСМЕЛЮСЬ ПРЕДЛОЖИТЬ ОТМЕНУ РАССЫЛКИ СЧАСТЛИВЫХ КОНВЕРТОВ ГОЛУБКАМИ ВИДУ ПОЛНОЙ ПУТАНИЦЫ ПРИ КЛАССИФИКАЦИИ СЧАСТЬЯ ТЧК САЙМОН ЧОК

Перечтя текст и подсчитав слова, Саймон Чок вынул связанный его матерью лиловый шерсти кошелек, нерешительно выудил из него шиллинг, опять пересчитал слова, вздохнул, опустил шиллинг обратно и медленно разорвал бланк.

НИКОЛАЙ АДУЕВ

ВОТ ТАК СВИНЬЯ!

Дежурный швейцар, похожий на царя Павла I, вдруг сделал страшные глаза, широко распахнул двери и крикнул отчаянно и надоедно:

— Объявляется посадка на поезд сорок первый! Граждане, не толпитесь!

Четвертым в очередь у мягкого вагона встал человек в черной кепке, плотно надвинутой на толстые, красные, лоснящиеся уши. Такие уши бывают у очень самодовольных и вполне уверенных в себе людей. Его сопровождал узкогрудый носильщик, с трудом державший навесу два чудовищных гробовидных чемодана.

Сам ушастый тоже держал в каждой руке по увесистой корзине, кроме того в зубах у него висел на веревочке небольшой сверток, перевязанный голубой ленточкой, — повидимому, дорожная провизия.

Почтенного вида проводник проверил билет ушастого, потом профессионально-внимательным взглядом обвел его чемоданы и корзины, покачал головой и спокойно сказал:

— У вас, гражданин, слишком много вещей, больше нормы. Вот эти чемоданчики вам придется отдать в багаж. Поезд стоит сорок минут, багажная касса — вот она, так что за глаза успеете.

Толстые уши пассажира налились кровью и стали словно раскаленные.

— С какой стати я должен бегать по вашим дурацким багажным кассам?! — закричал он, размахивая свертком, от которого сильно пахло котлетами.

— Правило такое имеется. Пассажир может брать с собой в вагон определенное по весу количество вещей.

— Наплевать мне на ваши правила! Пусть их дураки исполняют.

— Наркомпуть правила для всех пишет, гражданин: и для дураков и для умных.

— Я не все! Носильщик, давай чемоданы!

— Я вас, гражданин, с такой кладью все равно в вагон не пушу. Не задерживайте посадку.

Ушастый окончательно рассердился.

— Не ваше дело! Что хочу, то и беру! Проводник, как ваша фамилия? Максимов? Так! Кому я на вас жалобу могу подать? Хотя бы начальнику станции? Хорошо-с! Сейчас иду к начальнику станции, а в багаж свои чемоданы все равно не сдам. Из принципа! Носильщик, идем к начальнику станции!

...В кабинете начальника станции был полумрак. На длинном письменном столе стояла лампа под зеленым абажуром, и от этого лицо сидевшего за столом человека казалось еще больше усталым и бледным.

Человек с толстыми ушами положил просаленный сверток с котлетами на разграфленные бумаги, лежавшие на письменном столе, и стал шумно излагать свою жалобу.

— Проводник прав, — выслушав его, сказал начальник станции, — идите скорее в багажную кассу, в вашем распоряжении еще тридцать минут.

Ушастый снова налился кровью.

— Значит, вы поощряете издевательство над живым человеком? Партия требует одного, а вы делаете другое? Так и запишем!

— При чем тут живой человек! — пожал плечами начальник станции.

— Как при чем? Что же я, по вашему, покойник? Я, имейте в виду, никогда не вожу вещи в багаже, у меня нервный характер. Для меня сдать вещи в багаж — это значит не спать ночь.

— Вы хотели нарушить определенный железнодорожный закон, гражданин, — сказал начальник станции, сдерживаясь. — Проводник не разрешил вам это сделать. Лозунг о живых людях — прекрасный лозунг, но здесь он абсолютно не при чем.

БОЛЬШИЕ ИЗДЕРЖКИ

Рис. К. Ротова

— Третью пару обуви изнашиваю и никак не могу найти пару детской обуви.

— Именно абсолютно при чем. Вы знаете, зачем я еду?

— Не имею чести...

— Я еду мириться с женой. То есть, собственно, в командировку, но это попутно. Вы знаете, наверное, также, что пишет наша партийно-советская пресса про укрепление советской семьи. Вот, стало быть, я сдам вещи в багаж, поеду, вот встретит меня жена, а я должен после бессонной ночи, как угорелый шакал, мотаться за багажами. У меня нервный характер. Разволнуюсь — и не помирюсь с женой. Вот и получится, что ваш идиот, проводник, сорвал укрепление прекрасной советской семьи, не проявив чуткой заботы о живом человеке — пассажире. Тут сложная диалектика.

— Очень сложная. Только это не диалектика, а спекуляция на политических лозунгах. А проводник Максимов, к вашему сведению, не идиот, а премированный ударник. Кроме того до отхода поезда осталось двадцать минут, советую спешить.

— Я не уйду из вашего кабинета до тех пор, пока не получу разрешения взять чемоданы в вагон.

— Спешите, поезд уйдет через двенадцать минут.

— Наплевать! Я человек принципиальный. Поеду другим поездом, а на вас напишу жалобу начальнику дороги.

Носильщик, стоявший в углу, робко кашлянул и сказал:

— Ей богу, пойдемте, гражданин. Я ваш багаж быстренько сдам. Дайте покой товарищу начальнику. Они у нас вторую ночь со станции не выходили.

Бледное доброе лицо начальника станции исказилось гримасой тика.

— Спешите, гражданин, у вас есть еще шестнадцать минут.

Упавший решительно встал и заявил:

— В конце концов, вы знаете, кто я?

— Не знаю и знать не хочу. Пассажир!

— Я Морковкин.

Начальник станции рассмеялся хорошим, детским смехом.

— Странное совпадение, а я Петрушкин.

— Я Морковкин, — повторил упавший. — Заместитель председателя Промкоопутиля, Морковкин! Если уж вам неизвестны лозунги партии о живых людях и про укрепление семьи, так про «долой уравниловку» вы, быть может, слышали?

— Слышал, краем уха.

— Тогда разрешите мне в порядке ликвидации уравниловки как ответственному работнику взять все-таки свои чемоданы в вагон.

Начальник станции посмотрел на часы, на груды бумаг на столе, на измученное лицо носильщика, на толстые непреходящие уши Морковкина, махнул рукой и устало сказал:

— Вот что. Единственное, что я вам могу разрешить, — это довести ваши чемоданы до первой крупной станции. В вагоне вы уплатите штраф, а на той станции сдадите их в багаж.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Рис. Л. Соифертиса

— Вы предложили премировать Петрова, но ведь вы же с ним в ссоре?
— Назло ему: пускай годок за премией походит.

— Или снова обращусь к начальнику той станции?

— Дело ваше!

...С носильщиком Морковкин расплачивался уже на ходу. Носильщик, держась одной рукой за поручни площадки, бежал рядом с поездом, ускорявшим ход, и что-то кричал. Рубаха его синим горбом вздулась на спине. Морковкин с площадки вагона сердито поучал носильщика:

— Я не виноват, что пришлось ходить к начальнику, и платить не обязан. Это будет поощрение рвачества, с которым мы ведем беспощадную борьбу.

А вагонные колеса лепетали на железном своем языке:

— Вот так свинья, вот так свинья, вот так, вот так...

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

НОВЕЛЛЫ ИЗ ЦИКЛА „ТЫСЯЧА“

Ловкий, разговорчивый, зажиточный ветеринар. Веселый, добрый человек. Немного чужак. К нему приехал дальний знакомый, бывший дьякон, лишенец, сидевший в тюрьме; с большой бородой, длинными волосами, оборванный, опустившийся. Ветеринар работал. Перед ним на столе лежала собака, он ее лечил от чего-то.

— Ну что ж, я тебе помочь не отказываюсь. — Я человек влиятельный, состоятельный, у меня знакомств много, ко мне даже послы своих собачек возят. Ты человек нестарый, тебе тридцать два года, и голос у тебя очень хороший... Прямо, можно сказать, хороший голос. Так вот, будешь меня слушаться, — помогу. Я дам тебе сверток, пойди ты домой, дома его разверни и догадайся, что делать. Сам догадайся, потом приходи ко мне.

Бывший дьякон получил небольшой сверток и ушел. Дома развернул. В свертке оказались ножницы, запакотанные в бумагу. Он заплакал: догадался, что нужно этими собачьими ножницами остричь бороду и волосы. Через два дня опять пришел к ветеринару.

— Ну, вот так, — сказал ветеринар, — хорошо. Теперь пойдем к учителю пения. У меня есть такой, такса у него недавно болела. Ты ему попоешь, только, пожалуйста, церковным басом не пой, — ничего не выйдет. Надо прямо сказать: религия с коммунизмом никак не уживается. Ты спой ему что-нибудь светское: «Подснежник» какой-нибудь, «Дитя, не гонися за розой весною». Я человек влиятельный, я тебе помочь могу, но только ты меня слушайся.

...Полгода возился добрый «влиятельный» ветеринар со своим дальним знакомым. Он был участлив к людям и помогал, кому мог. Трех учителей пения переменял бывший дьякон. Голос у него действительно хороший, и теперь он громко и четко поет в оперном театре.

«По шапке, по шапке!» Он произносит эти слова обязательно с повторением — два раза. И при этом насупливается. В нем нет никаких сомнений. Становится страшно от сознания, что он не остановится на полпути: он сделает то, что наметил — бездумно, жестоко, — никакие доводы его не убедят — разве только страх... Но и страх он преодолевает. Он сделает то, что наметил. Обязательно. Кому же он собирается давать «по шапке, по шапке»? Всем, кто хоть сколько-нибудь выдвигается в его учреждении. Он совершенно и никак не выносит роста людей, проявления способностей. Ему кажется, что как только кто-либо из подчиненных ему служащих выдвинется, — его снимут, а того поставят на его место. Кто-то сделал яркий, талантливый проект. Он настаивается. Нет, проект

не годится. Он выступает против. Проект сложен, неосуществим, нерентабелен («По шапке, по шапке!»). Кого-нибудь из его служащих похвалили — у него испорчен день. Он хмур, недоволен, точно потерял что-то. Кто-либо из его соратников весел, жизнерадостен, разговорчив, остроумен — он испуганно и хмуро спрашивает у кого-нибудь: «В чем дело?» Ему отвечают: «Ничего особенного, просто весел человек, хорошо себя чувствует». Пожимает плечом и решает дать ему «по шапке». Вызывает и упрекает за что-нибудь. Все это делается им под маской глубокой преданности и большой заботы о деле. Но, в конце концов, это разоблачилось. Его сняли с работы за бездушное отношение к людям. Долго держали на мало ответственных работах, и он, наконец, научился доброжелательно улыбаться, мягко обращаться с людьми. Но ответственной работы ему все-таки пока не дают: еще полностью не верят, что он действительно изменился к лучшему.

Мечтает о празднике. Праздничный день! Выходной! День отдыха! Какая прелесть! Он погуляет, он пойдет к товарищам, он встретит девушку, ту самую, которая ему нравится. Он будет отдыхать дома, он пойдет в парк, пойдет в театр. И вот наступает выходной день. Он чист, еще с вечера вымыт, хорошо одет, прекрасно себя чувствует. Но жуткое нетерпение овладевает им. Совершенно непонятное нетерпение. Он выходит в девять часов утра на улицу. Улица еще пустыня. Только отдельные группы спешат на трамвай, чтобы поспеть на утренний дачный поезд. Он стоит у ворот. Его неодолимо тянет куда-то. Куда? Ноги срываются и сами идут. Он идет в ресторанчик и выпивает стопку водки. Быстро, бездумно. Закусывает и выпивает другую. Пробует себя остановить: ведь так будет испорчен день. Зачем торопиться? Но нет сил ждать. Выпивает третью. Выходит из ресторанчика и идет уже навеселе, косо, большими шагами. Куда? Неизвестно куда. Но безошибочно попадает к девушке, с которой давно решил не встречаться, — она отдается за деньги. Но он попадает именно к ней. Через час он опять на улице. Опьянение проходит. Музительно. Надо еще выпить. Он опять в ресторанчике. Опять стопки. Всего только половина двенадцатого, но он уже густо пьян, пресыщен, опустошен, разочарован... Ничего другого не остается, как задевать прохожих, пререкаться, нарочито громко петь — без радости, без удовольствия. Несколько раз в таком состоянии попадал в милицию, но теперь ноги сами уносят его домой. Дома сваливается на постель — в чистом костюме, еще не совсем загрязненном, но уже помятом, с известкой на спине — и лежит в

горькой и черной досаде и сквозь похмелье думает: откуда такое слабование? По наследству, что ли? Откуда? Почему все то, что люди продельвают за сутки, он быстро и скомканно делает сразу — в утренние часы праздника? Почему? Но идти больше некуда. Нет ни денег, ни сил. Только к вечеру он выходит и уныло плетется среди праздничных масс.

Настолько глубоко убежден в продажности людей, в склонности к подкупу, что даже не обосновывает этого подробно. Только изредка говорит, подмигивая и отмахиваясь: «Так надо». Он беспрерывно сеет взятки. Что бы ни предпринимал, немедленно «заинтересовывает». С укреплением советской власти эта система с каждым годом, даже с каждым полугодием все более и более становилась и опасной и бессмысленной. За взятки снимали с работы, ссылали, причем не только того, кто брал, но и того, кто давал. Все же он продолжал давать взятки. Маскировал их как мог. Наконец, и это стало опасным. И примерно с 27 года он прекратил это вовсе. С этого времени он решительно прекратил похлопывание людей по плечу, таинственное подмигивание и употребление фраз вроде: «Об этом отдельно», «Не беспокойтесь», «Будет сделано» и т. д. Прекратил. И некоторое время ему казалось, что все погребло, ему не делают как нужно, не делают хорошо. Как могут сделать хорошо, когда не «получают». Сейчас он, наконец, убедился, что люди работают и выполняют в срок и заботятся о высоком качестве своей работы без взяток и подкупа... Выполняют. Но все же по укorenившейся привычке, когда заказывает что-либо — и лично и по службе — или когда в чем-либо зависит от людей, то делает сладкое, любезное лицо, бессмысленно подмигивает и предлагает, хотя сам не курит, дорогие папиросы, старается «забыть» коробку хороших папирос на столе у того, к кому пришел. Дорогие папиросы у него всегда в кармане «для дела». Почти всегда у него в кармане и конфеты. С «очаровательной» улыбкой он раздает людям конфеты. Кладет конфету машинистке около машинки — убежден, что, получив конфету, она перепишет ему нужную бумагу скорее и лучше... Сует конфеты и папиросы кассирам, делопроизводителям, посетителям, агентам, приятелям, даже курьерам. К этому не придиришься... Как придаться? Милый человек, общительный, хороший товарищ, предлагает папиросы, конфеты, дарит какой-нибудь крохотный календарчик, записную книжку, карандашик, еще какую-нибудь мелочь... Разве это возбраняется?

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

БОЛТУН И БАЛАЛАЙКА

(Б А С Н Я)

Столкнувшись с фактами нос к
носу

Под балалаечным углом,
В подходе к данному вопросу
Я намечаю перелом.
— Скажи мне честно, без

утайки,—

Болтун спросил у балалайки, —
В чем тут секрет, узнать хочу:
И ты бренчишь,
И я брэнчу.

Брэнчу с утра до ночи поздней,
Причем брэнчу куда серьезней
И обоснованней тебя.

Так кто важнее: ты ли я ли?
И роль твоя или моя ли?
Тут балалайка болтуну

В ответ сказала:

— Ну и ну!

С тобой нельзя равняться даже,
Всего минуты две бренчишь,
Но я с волнением жду — когда же
Ты, пустомеля, замолчишь!

Мораль: из балалаек многих
Остерегайтесь лишь двуногих.

ОБЕЩАНИЕ И БЛОХИ

(Б А С Н Я)

Блоха примчалась раз к соседке.

— Скорее!!! Где твой муж и
детки?!!

Бежим подальше от греха!—

Вскричала в ужасе блоха.

— Нам злую гибель предвещают—

Судьба блошинная плоха,—

Ведь пол-то вымыть обещают!

В ответ испуганной блохе

Соседка молвила:

— Хе-хе!

К чему менять места и климат.

Заметить следует одно,

Что обещание дано,

А пол ведь до сих пор не вымыт!

И заключила на прощанье:

— К чему такой переполох!

Мораль простая:

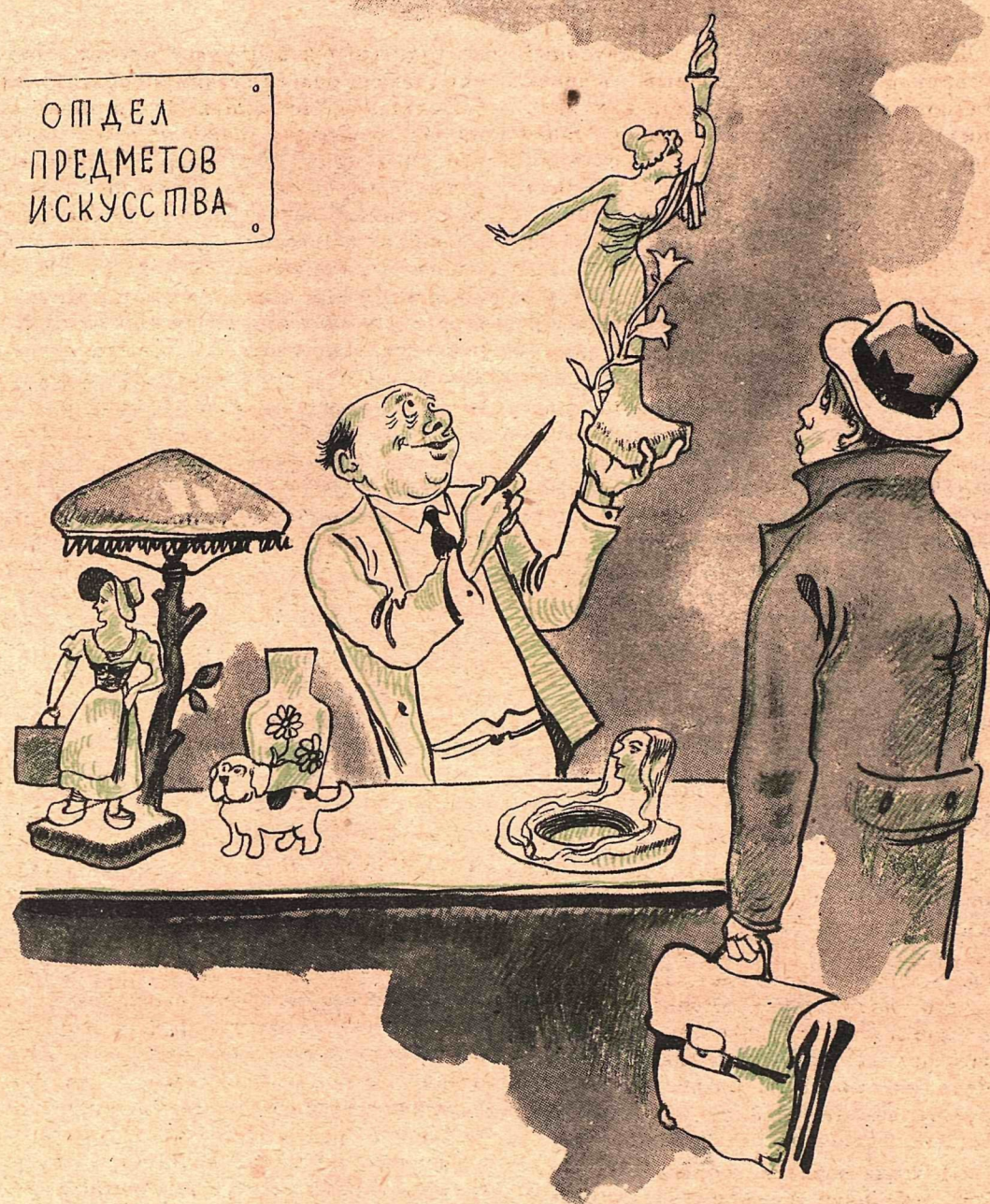
Обещанья —

Плохое средство против блох.

ВЛ. МОГОЛЬ

ПРОЧНЫЙ ТОВАР

Рис. М. Храпковского

— Рекомендую эту барышню. Очень прочная. Пережила две войны, три революции, включая и культурную.

ВЫГОВОР С ПОВЫШЕНИЕМ

Короче говоря, Горохов совершил кражу. Спер несколько тысяч рублей. Он заведывал клубом на заводе «Компрессор», в Москве. В клубе скучно — одни танцы. Надо как-нибудь развлечься. А тут под боком — клубная касса. Все-таки какое-то разнообразие в жизни. Ну, вот... Сами понимаете.

Вдруг схватились — в кассе недостача. В бухгалтерии какие-то любопытные люди обнаружили денежные документы, небрежно сфабрикованные Гороховым. Скандал.

Горохова сняли с работы. По партийной линии вынесли ему строгий выговор с предупреждением. Человек разволновался.

От строгого выговора может и здоровье пошатнуться. На этом основании добрые люди из заводской администрации выдали Горохову немедленно путевку в дом отдыха. Пускай, сердечный, отдохнет, развлечется и забудет все превратности судьбы.

Горохов в доме отдыха поправился, загорел, окреп и повеселел. Лишь изредка в душу его закрадывалась тревога.

— А что, ежели в суд передадут? Ведь засудить могут.

Но на заводе «Компрессор» — чуткие и отзывчивые люди. А товарищ Графов, секретарь парткома, — такой милый и незлобивый человек.

Вернулся Горохов из дома отдыха, его встречают с распростертыми объятиями. О прошлом — ни слова. Надо быть деликатным. Не следует беречь старые раны.

Наоборот, надо создать потерпевшему товарищу «условия». Горохова, не говоря худого слова, назначают начальником бюро рабочих изобретений. Он же сам такой изобретательный!

Так что Горохов и своей судьбой и секретарем парткома вполне доволен.

ВЕЛИКИЙ СЫЩИК*

Предположим, что сэр Чарльз Олтроп был прикончен, как и многие «пожилые джентльмены» в литературе, лет двадцать назад путем вторжения в его библиотеку матроса с деревянной ногой, недавно прибывшего из Явы.

Прежде преступление было бы открыто, исходя из тяжести его деревянной ноги. Человек пил пиво в харчевне, и его локоть со стороны, противоположной ноге, оставил на стойке след, похожий на отпечаток на подоконнике, когда он карабкался.

Но в истории нового типа несколько крупинки пыли, найденных возле Тела, окажутся частицами волокна кокосового ореха, который встречается только на палубах кораблей, прибывающих из Явы, и на одежде матросов.

Но тем или иным способом «неумолимая цепь логики» выковывается до последнего звена. Автор не может ковать ее до бесконечности: рано или поздно он должен открыться и сказать, кто же совершил дело. После двухсот страниц он себя видит поставленным перед грубой необходимостью выбрать действительного убийцу.

Итак, кто же совершил это? Вот где финальная фаза истории. Кто же убил сэра Чарльза?

ВАРИАНТ С БРОДЯГОЙ

Согласно одному из очень простых способов убийство было совершено без участия главных персонажей истории.

Оно было совершено Бродягой. Оказывается, что Бродяга проходил мимо замка ночью и был привлечен светом, проникшим сквозь занавеску, как это бывает с бродягами. Он подошел и, как это любят делать бродяги, заглянул через стекло. И когда он увидел сэр Чарльза дремлющим в своем кресле, с золотыми часами, лежащими на столе, он испытал один из тех импульсов, которые испытывают бродяги при виде таких часов. Он приподнял раму и проскользнул в комнату.

Сэр Чарльз проснулся, и все было кончено. И если бы не красноречивые следы на траве или не изобличающее волокно на ковре библиотеки, убийца не был бы никогда найден.

И, однако, такой вариант выглядит низкопробным. Как-то неловко хватать бедное запатанное существо в самом конце истории, представлять его читателю и затем вешать — все на одной странице.

Поэтому лучше уж поискать такое решение:

УБИЙСТВО БЫЛО СОВЕРШЕНО НЕКИМ ИНЫМ, АБСОЛЮТНО ОТЛИЧНЫМ

Возьмем самый простой пример. В гостиницу, где Великий Сыщик и Простака остановились на время расследования смерти сэра Чарльза, мы приводим — всего на одну минуту — «коренастого человека в клетчатом платье, потягивающего стакан эля у стойки». Мы спрашиваем его — чисто случайно, — не может ли он нам сказать что-нибудь о состоянии дороги до Фаррингема. Он угрюмо отвечает, что он чужой в этих местах и ничего не знает. Это все. Он не появится больше вплоть до конца истории.

Но по-настоящему опытный читатель сразу смекнет, что это он совершил убийство. Взгляните на него: он коренастый и он угрюмый; и у него платье в клетку; и он пьет эль; и он чужой в этих местах. Этого достаточно. Каждый порядочный суд повесит его за это, а в детективной истории — во всяком случае.

Наконец, эта истина снисходит на Простака.

«— Владыка небесный! — воскликнул я. — Человек в клетчатом платье!»

Великий Сыщик кивнул.

— Но как, ради всего святого?! — вскричал я в большом недоумении чем когда-либо. — Как вы могли заподозрить это?

— С самого же начала, — сказал мой друг, обращаясь

к инспектору Хиггинботтому, который кивнул ему в подтверждение, — мы имели вполне достаточную улику.

— Да. Одна из клеток на его куртке была выхвачена. Он ее вырезал и спрятал. Человек, который вырезает часть своей куртки и прячет ее на другой день после преступления, очевидно, что-то скрывает.

— Великое небо! — воскликнул я. — Как убедительно это звучит, когда вы высказываетесь таким образом. Подумать, что я никогда не догадывался об этом».

ВАРИАНТ, КОГДА УБИЙСТВО СОВЕРШЕНО ГОЛУБЫМ ЭДУАРДОМ

Согласно этому объяснению таинственного преступления и в самом конце истории выясняется, что убийство не совершено никем из заподозренных: ни Дворецким, ни Полугером, ни Бродягой, ни Опасной женщиной. Оказывается, что это была работа одного из самых дерзких преступников, каких когда-либо породил свет, хотя читатель никогда не слышал о нем до этого момента: главы и мозга целой банды преступников.

Этот главный преступник обычно выступает под таким ужасающим именем, как Черный Пит, или Желтый Чарли, или Голубой Эдуард. Стоит упомянуть его имя, как не только Великий Сыщик, но решительно все знают все, касающееся этого великого преступника, за исключением читателя и бедного Простака, которого всегда применяют как уполномоченного от публики в деле удивления и простоты ума.

В самом разгаре преследования к главному преступлению — убийству сэра Чарльза — присоединяется еще и убийство какого-нибудь полицейского; такие люди, сравнительно с действующими лицами, ценятся очень дешево. Способ убийства — пулей, упавшей с расстояния трех миль, по траектории, вычисленной с помощью алгебры, — влечет за собой арест. Великий Сыщик, рассчитав обратный полет пули, приказывает арестовать человека, находящегося в трех милях. Пока Сыщик, Простака и полиция стоят над трупом убитого полицейского, из Скотланд Ярда приходит донесение, что арест сделан.

«Великий Сыщик стоял, поглядывая вокруг себя, спокойно покачивая головой. Его глаза остановились на момент на распростертом теле субинспектора Бредшоу, затем устремились на чистую дырку, пробитую в оконном стекле.

— Теперь я понимаю, — проговорил он. — Но я должен был догадаться об этом раньше. Нет никакого сомнения, чья это работа. Голубого Эдуарда.

— Голубого Эдуарда?! — откликнулся я вне себя. — Но кто такой Голубой Эдуард?»

Это как раз вопрос, который читатель хотел задать. На этот вопрос мы получим ответ от самого Великого Сыщика.

«— Тот факт, что вы никогда не слышали о Голубом Эдуарде, только характеризует то общество, в котором вы живете. На деле Голубой Эдуард является ужасом четырех континентов. Когда мы выслеживали его в Шанхае, его встречали на Мадагаскаре. Это он организовал страшное ограбление в Иркутске, при котором десяток фермеров был взорван бутылкой английской соли.

Это Голубой Эдуард держал в течение ряда лет всю Филадельфию в состоянии непрерывного ужаса, в Ошкош и Висконсин — еще дольше. Во главе шайки преступников, имеющей свои ответвления по всему земному шару, вооруженный научным образованием, которое позволяет ему читать, писать и свободно пользоваться пишущей машинкой, Голубой Эдуард фактически держал втупике всю мировую полицию.

Я подозревал его руку с самого же начала. С первых же шагов ряд признаков указывал на работу Голубого Эдуарда».

После чего все полицейские инспектора и зрители будут до тех пор покачивать головами и бормотать «Голубой Эдуард, Голубой Эдуард», пока читатели не проникнутся окончательно трепетом перед этим феноменальным преступником.

СТЕФЕН ЛИКОК

* Из сборника «Смешные рассказы» Стефена Ликока, выходящего на днях в «Библиотеке Крокодила».

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

На станции Иловайская, Донецкой ж. д., для ожидающих поезда есть два зала. В одном из них (№ 1) нельзя сидеть, если не согласишься заказать в буфете какое-нибудь блюдо. В другом зале нельзя сидеть, если не согласишься стать блюдом для проживающих в диванах клопов. Что же делать пассажиру, который не хочет быть ни едоком ни блюдом?

Н. ДАНИЛОВ

г. Б. Токмак

Дорогой Крокодил!

Расколуй, пожалуйста, руководителям коммунхоза в Архангельске, что велосипед, как правило, очень легкий экипаж и весит значительно

меньше чем грузовой автомобиль или даже трактор. Дело в том, что у нас в Архангельске запрещено ездить на велосипедах по асфальтированным участкам улиц. Чем же это можно объяснить, как не полной дезориентацией соответствующих заведующих в вопросе о велосипеде как таковом.

И. Ф. КОСТИН

Архангельск

ского работника мое имя и отчество.

С одной стороны, конечно, приятно, что издательство так внимательно к своим корреспондентам, но, с другой стороны, было бы гораздо приятнее, если бы сотрудники издательства были внимательнее к своим обязанностям.

К. МАЛАХОВ

Днепропетровск

контору и попросил сделать мне электропроводку в квартире, Хухров вдруг насторожился и строго спросил:

— А ты женат?

Еще не совсем понимая, куда он гнет, я искренно созвонился:

— Нет, еще не успел.

Тут Хухров совсем рассвирепел.

— Раз не женат, так живи с матерью в одной квартире. А света тебе не дам. Иди жалуйся и пиши на меня.

Дорогой Крокодил! Жаловаться я не люблю, не такой у меня характер, но после столь искусно мотивированного отказа, мне оставалось только написать тебе, что я и сделал.

ТИТКОВ, инструктор

райполитпросветбазы.

г. Камень,
Зап.-Сиб. край

Дорогой Крокодил!

Стыдно сказать, но я вынужден жениться исключительно из корыстных побуждений. Склоняет меня к этому то обстоятельство, что заведующий нашей электростанцией тов. Хухров не уважает холостяков.

Когда я зашел к нему в

Дружище Крокодил!

Я получил от издательства «На страже» открытку с просьбой сообщить свое имя и отчество. Я уже готов был это сделать, но случайно на лицевой стороне этой же открытки заметил написанные рассеянной рукой издатель-

ЧАСТНЫЙ КООПРЕМОНТ...

Рис. Н. Радлова

...и его невольные поклонники.

СОБЫЙ ОТДЕЛ

МЕЧЕТЬ СВЯЗИ

Всякие бывают ограничения для входящих. История этого вопроса учит нас, что таковые ограничения начинаются скромной просьбой «вытирать ноги». Часто, как известно, «входное» законодательство касается калош («Калоши снимать обязательно!»). Иногда посягают на верхнее платье, так сказать, ин корпоре. В мусульманские храмы (см. «Мечеть» в Малой советской энциклопедии) правоверные входят, скинув обувь. Таков суровый закон.

У нас в Москве мечети и раньше не сильно процветали, а теперь мы можем себя считать размечетеными на 100%.

Хотя нет. Скорее—на 95%. Не-

кую разновидность мечети открыл директор Центрального телеграфа тов. Пожидаев. Для этого он отвел аппаратную вверенного ему святилища связи. Правда, пока что тов. Пожидаев не заставляет своих работников разуваться на паперти... то, бишь, в вестибюле. Но вот сотрудникам своим он запретил входить в аппаратную с обычными сумочками.

В этом, несомненно, есть нечто от религиозного экстаза. Ну, может, не от религиозного, так от простого экстаза. Одним словом, сразу видно, что, давая этот приказ, человек слабо соображал. А это всегда несколько портит приказы.

в комнату дежурного по станции, где стал бить по аппаратам лопатой. В результате все аппараты были повреждены и движение приостановилось.

Как мы видим, у Родина масштабы больше: он останавливает

движение не отдельного поезда, а всего расписания. И главное—таким простым инструментом—лопатой.

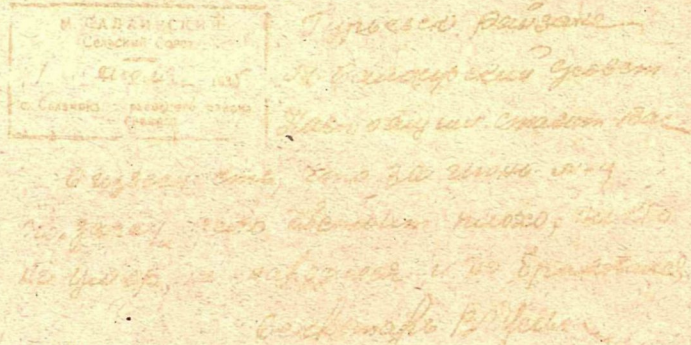
Очевидно, и против машиниста Родина нужно действовать простым инструментом—метлой. Гнать вон с транспорта.

ТИХОЕ „S O S“

Очень, конечно, бестактно смеяться над сознающим ответственность человеком, когда он поистине болеет душой за вверенный ему участок работы.

Но пусть читатель простит нам эту бестактность, так как за это мы дадим ему возможность ознакомиться с самым грустным документом наших дней.

Прочтите этот официальный отчет М. Салаирского райзагса (Зап.-Сибкрай) о постигших его неудачах:

РЯЗАНО-УРАЛЬСКИЕ НЕУВЯЗКИ

На Рязано-Уральской дороге был такой случай.

Главный кондуктор поезда Верещагин и смазчик Прокопец отстали от поезда (уходили на базар), в результате чего поезд был задержан.

Если руководство дороги не может изжить опоздания по таким приватным, что ли, причинам, то мы выдвигаем свой способ.

Бригада, ощущающая нужду в продуктах питания или предметах ширпотреба, представляет спи-

сок требующихся вещей пассажирам. Пассажиры из своей среды выбирают старосту, который разверстывает повагонно все то, что потребовали железнодорожники, и пассажиры охотно вносят все сполна своей любимой бригаде. Охотно, потому что это удобнее, чем опаздывать к месту назначения.

Там же, на Рязано-Уральской дороге, машинист Родина следовал в пьяном виде, отстранению не подчинился, а потом ворвался

Поэт уверяет:

«Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте».

А эта, простите, веселее?

ВАСИЛЕК

Зовут его Василий Шаповалов. Так он числится по паспорту. Так именуют его на службе. Но в интимном кругу друзей и знакомых девиц он Василек. Нежное имя, навевающее грезы: золотое поле колосьев, цветочки...

Очутился этот цветочек в Сумах, Харьковской области. Сами знаете, городишко не ахти какой. Не столица. Развлечений маловато. А «дни за днями катятся...»

На службе, в горвнutorге, тоже мало развлечений. Не театр. Не интересно Васильку в такой серой обстановке.

Хорошо—подвернулась девушка одна, Верой зовут, служащая. Василек начал подезжать к ней с мармеладными разговорами.

Ах, он до сих пор холост и одинок. Ах, он все не может найти подругу жизни по своему характеру. Вот если бы Веруся осчастливила его своим вниманием...

Вскоре нашего кавалера перебрасывают на другую работу—в Курск, затем в Орел. Он достиг больших чинов—доверенный облвнutorга. Тем не менее чувства продолжают копошиться в его душе.

Он шлет Вере письма, полные любви и нежности:

«Здравствуй, мой милый, кристальный друг Веруська!!!»

«Здравствуй, мой светлый друг Верусенька!!!»

Мой, мой всегда нежный цветок Верусенька!!!»

И так далее и так далее. Все в том же пламенном духе. И каждое обращение в письме неизменно снабжается тремя восклицательными знаками. Так что в общей сложности Василек выслал Вере около пяти дюжины этих страстных знаков препинания.

Кроме этого в письмах имеются и другие ласковые строки. Например:

«Верусенька, знай, раз и навсегда запомни, что ты никогда и никому другому, как мне, принадлежать не можешь, имей это в виду. Если ты позволишь что-либо подобное, то пиши прямо и открыто мне, а я напишу тебе свое заключение по этому поводу. Хорошо? Напиши правду: с кем проводишь время, кто у тебя бывает? Имею сведения. Да!..»

О себе Василек сообщает любимой девушке следующие подробности:

«Работа у меня—ничего, легкая, представительство. Знакомлюсь с производствами. Сегодня был на заводе вино-морсовом. Делал пробу лучших вин. И одну бутылку в портфель положил, взял к обеду лучший пятилетний портвейн. И вот имею результат—болит страшно сердце, сжимается от боли...»

Василек шлет письма. Вера отвечает. Все в порядке. Но вот однажды почтальон приносит девушке голстый пакет. Штамп—Орел. От него! От Василька! Но что там такое в пакете?

В пакете—все письма Веры, адресованные Василию Шаповалову. Он, видите ли, только пошутил. У него есть и жена и дети. Он возвращает письма с припиской:

«При сем препровождаю этот хлам за ненадобностью».

На каждом письме девушки Васильком наложена резолюция. И какие резолюции! Синим карандашом, наискосок письма:

«Послать обратно адресату за ненадобностью». Подпись. Дата.

«Фу! Подумаешь! Разомлела».

«Как тебе не стыдно так писать, королева ты толетая!»

«Больше прошу мне не писать. Поняла? А то хуже будет».

«Если ты, дрянь, попробуешь сунуть нос в мою семейную жизнь, я посчитаюсь с тобой».

«Я тебе покажу, потаскуха!..»

«Набить морду за такую писанину».

Там, где Вера перед своей подписью писала «твоя», имеется приписка, сделанная Васильком: «свинья»...

Вот и все, что было в этом толстом пакете из Орла.

Как этот хам смеялся, когда сочинял эти гнусные надписи на письмах доверчивой девушки! Ведь это так смешно!

И вновь сидит Василек на чьей-то небранной постели на гитаре, с малиновым бантом, распевает чувствительный романс «Сердце лаской тратится, обрывая тоненькую нить...»

КАЗКА ОБ УДАЛОМ МОЛОДЦЕ И ГЛУПОМ ЧЕЛОВЕЧИШКЕ

Стоит домик-домишко, окна расписные, двери скрипучие, а кругом всякий хлам валяется.

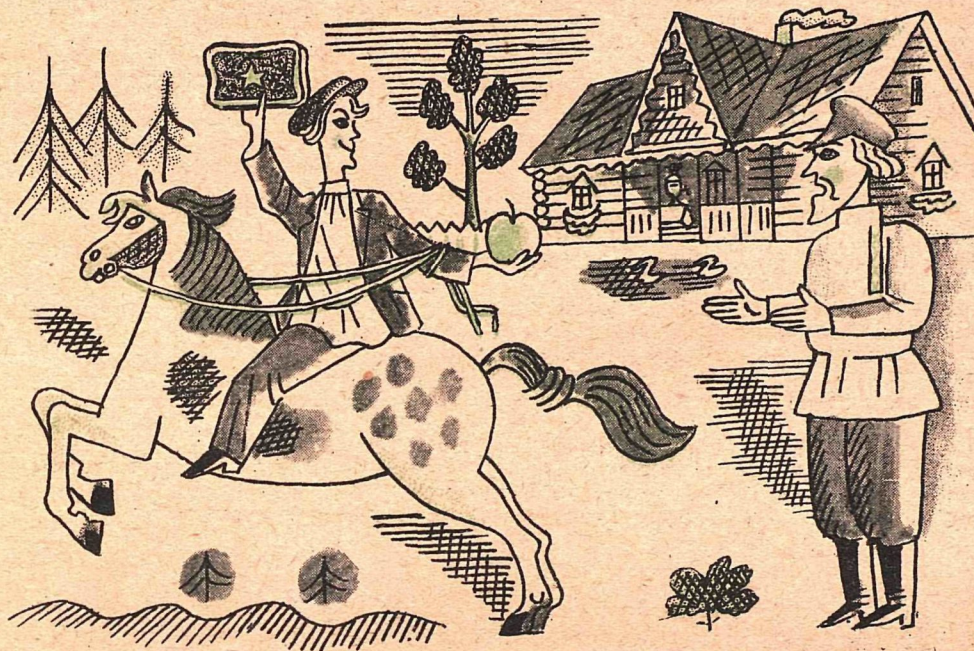
И сидит на балконе резном глупый Человечишко, чай холодные распивает и своему радуется.

И вдруг подходит к нему Удалой Молодец и говорит звонким голосом:

сказал «адью», свистнул весело и ушел. А Человечишко чай холодные распивает и весело ухмыляется:

— Ну и глупые Молодцы нынче пошли!

Смеялся он так, смеялся до самого вечера и вдруг видит: едет мимо него Удалой Молодец на сивке-бурке, пряник расписной кушает и яблочком наливным закусывает.

— А и дай ты мне, Человечишко, что тебе не надобно. Может обужку-одежу какую имеешь лишнюю?

— Ха, ха,— засмеялся Человечишко.— Может тебе сапоги-скороходы еще отдать?

— Сам носи,— отвечает Удалой Молодец,— а может калошки рваные найдутся?

— Калошки—это другое дело. Калошки рваные получай, раз ты такой глупый. Только ковер-самолет и скатерть-самобранку не проси. Все равно не дам. Заместо скатерти-самобранки можешь на кухне тряпку получить, а заместо ковра-самолета— бери половик из прихожей. Ха-ха!

— Давай,— говорит хитрый Молодец,— и тряпку давай, и половик давай и всякое барахло давай, не задерживай дело-вого человека!

Собрал Удалой Молодец все барахлашко у Человечишка,

— Погоди,— говорит глупый Человечишко.— Это ты уже не поступком поступаешь. Я пустые чай пью, а ты на сивках-бурках раскатываешься, пряники лопаешь и яблоки наливные уписываешь. Откуда достал?

А Удалой Молодец только нос задрал и отвечает:

— А это я твои калошки да тряпочки в Утильсырье продал. И на яблочки пряники получил и государству пользу принес. А ты, Человечишко, большой да глупый. Сам не догадался! И поехал дальше. А Человечишко сердито плюнул в чай холодные и сказал тяжелым голосом:

— Ну и умные молодцы нынче пошли! Дожили!

И понял Человечишко, что не только то, что в сундуках да на столах лежит—богатство, а что каждый на добре сидит и сам его не замечает. С тех пор его только на складе Утильсырье и видели. Я там был, меда-пива не пил, а кое-что и сам продал.

ВООБЩЕОБЩАЯ КОНТОРА „СОЮЗУТИЛЬ“ НКЛП СССР

производит заготовку и переработку утильсырья и промотходов для снабжения промышленности и транспорта. УТИЛЬСЫРЬИ снабжает свыше 200 фабрик и заводов, желез. дор. и водный транспорт, МТС и др. УТИЛЬСЫРЬЕ сotti коду — дальнейшее развитие производства сырьевыми отходами; промышленность — значительным количеством промышленными отходами.

Заготовка утильсырья производится ГРАММАМИ, восте же ежегодно сдаются промышленности и на экспорт — до 600 тысяч тонн.

Для сохранения качества утильсырья необходимо не допускать его подмеса и, по возможности, загрязнений.

Сохраняйте утильсырье и продавайте его на заготовительных, вверенных, агентств и оборотном „Союзутиль“ и Петропавловске.

В Москве и Ленинграде „Союзутиль“ имеет сеть своих агентств для приема и сдачи, по требованию общества.

АДРЕСА И №№ ТЕЛЕФОНОВ помещаются в специальных вывесках в общественных, вывешиваемых в соответствующих городах и других населенных пунктах.

Получите проспекты и листы по утильсырью по адресу: Москва, ул. Мясницкая, 10.

При продаже утильсырья требуются ПРЯМЫЕ ВАЖТЫ.

Узнайте и вверенных агентств НКЛП ЖИЛКО и ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО в тех местах, где вывешиваются и продаются по утильсырью-обращению общества.

ПОСЛЕДНИЕ ПАРИЖСКИЕ МОДЫ

50
17 ОКТ 1935
№ 155

Рис. Боя Ефимова

Бор Ефимов - 35.

— Скажите, что теперь носят в Париже?
 — Главным образом вот эти лозунги.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. 1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 945.

Сдача текста и рисунков 3/Х-35 г.

Подп. к печ. 11/Х-35 г.

Статформат 72×108. 1/8 л.

Печ. л. 3. Код. зн. в 1 печ. л. 120 000.

Уполномоч. Главлита Б-12993

Типография газ. „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 8.

Зак. № 2084.

Тираж 350.000